

В. Г. ФОГЕЛЬ,
*проф. Берлинского университета
 имени Гумбольдта*

КОГДА ДОБРЫЕ ДЕЛА БЫВАЮТ ДОБРЫМИ

(Доклад)

Фундаментальный ответ на наш вопрос — ответ, проистекающий из корня учения об оправдании верой, данный в Аугсбургском исповедании (VI. О новом послушании), гласит: «Преподается также, что такая вера должна приносить добрый плод и доброе дело и что надо делать всевозможные добрые дела ради Бога, как заповедал Бог, не полагаясь, однако, на такие дела и не думая заслужить через них милость Божию». Кроме того, мы слышим в Апологии исповедания, а именно в истолковании статьи о самом оправдании следующее: «Следовательно, Христос один остается Первосвященником и Посредником, и то, что мы делаем доброго, или то, что мы соблюдаем Закон, не само по себе угодно Богу, но чтобы мы держались Христа и знали, что мы имеем милость Божию не ради закона, но ради Христа». В этой связи приводится слово Августина из *Retractationes* (1, 19, 3): «Всякую заповедь Божию мы соблюдаем тогда, когда нам прощается все, чего мы не соблюдаем». Поэтому Августин утверждает, что и добрые дела, которые Святой Дух совершает в нас, угодны Богу не иначе, как если мы верим, что мы угодны Богу ради Христа, а не потому, что добрые дела сами по себе должны быть угодными Ему».

Что означает это для нашего вопроса: «Когда добрые дела бывают добрыми?» Возвращаясь к самому Писанию, понятным подтверждением которого хочет быть исповедание отцов, вспомним *прежде всего* об основе всего, сущей в Боге: *«Только один Бог благ и только один Бог творит благо. А все доброе у твари есть только созданное Им, и добро, дарованное в силу Его милости».*

Это относится, прежде всего, к твари, как таковой. «...Бог увидел все, что Он создал, и вот все хорошо» (Быт. 1, 31). Нет законной возможности оторгнуть благобытие твари от этого воззрения Божия. Тварь ведь является тем, что она есть, не через саму себя, а единственно через творческое слово щедрой благодати Божией. Если дело Бога изолируется от создавшего его Бога, то оно подвергается в своей изолированности фальсификации и искажению. Человек, который отказывается и обособляется от Бога, является тем, кто объясняет тварь в отвлечении от ее Творца, как пребывающую в себе «природу». «Природа» является тогда ему в свете своей собственной ценности, под знаком полного ее обожествления. Но он сам подвергается проклятию своего извращения. Говоря словами Лютера, он сам делается искаженным человеком, т. е. искривленным и извращенным человеком. Этот человек сам представляет себя хорошим человеком. Если он, кроме того, оказывается перед лицом трещины, которая зияет во всем его мертвенно-гибельном существовании, и, однако, не в состоянии чем-либо заполнить эту трещину, то ему все представляется в свете дуализма добра и зла. Пусть эту картину омрачает и искажает еще его моральная и

психическая слабость, он все-таки считает самого себя, — основываясь на своем образе мыслей, направлении воли и на своих стремлениях, — хорошим человеком. Этот человек, с другой стороны, должен говорить вместе с Лютером: «В своих наилучших делах разбойник, посягающий на честь Бога!» (In seinen besten Werken ein Räuber an Gottes Ehre!) (De servo arbitrio). Его ὄψις (греч.: наглость. Пер.) по отношению к единственно всеблагому Богу, милость Которого он ненавидит, достигает высшей своей степени во внешних и внутренних делах его религиозности. Больше всего ставятся под сомнение не преступления его, а его добродетели.

Что он действительно такой человек, с этим он никогда не согласится в душе. Перед Христом, пригвожденным за Него к дереву проклятия, он выявляется и осуждается как человек, утративший человеческий образ. Но Бог с такой силой говорит «Да» и «Аминь» Воскресению Распятого за грешника своего святого возлюбленного Сына, что суд поглощается милостью, утопая в сострадании. Этот человек, потерявший образ человеческий, оправдывается через Христа и в Нем. Это совершается в вере, которая ни на мгновение не может взирать на самое себя, но только на милость Божию, которая эту веру создает и ею одаряет. Тогда в очах Божиих этот человек бывает хорошим, безбожный — оправданным. Благо ему, когда при этом он и остается таким и все еще не ищет своего благобытия ни в чем другом, как только во Христе, заместившем его, через Святого Духа, как того Заступника и Утешителя, Который выступает за Него. Горе ему, если то, что «начато было в Духе», он все-таки «окончит во плоти» (Гал. 3), т. е. теперь все-таки снова принимается искать и находить благо само по себе и в самом себе, благо, в действительности связанное с милостью Бога, на Котором оно могло бы, так сказать, продолжать созидаться. Этим здесь мы уже стоим перед нашим вторым тезисом.

Человек, который является хорошим единственно через Христа и во Христе в силу милостивого воззрения Бога, не может стремиться к исканию и нахождению добра самого по себе и в себе самом.

Он, несомненно, призван к тому, чтобы охотно и радостно прославлять милость Божию добрыми делами, угодными Его воле, но все дело здесь в том, чтобы сам он, его личность была в очах Божиих соответствующей воле Божией. Несомненно, что только новая, созданная Богом личность совершает дела, которыми Бог прославляется; этот именно человек отвергает самого себя и обращается к Богу. Дерево не знает о плодах, которые оно приносит, оно может только придавать значение солнцу и дождю, которым оно обязано жизнью до самых ее корней. Но как только человек предоставляется себе самому, он отрекается от своего происхождения и своей жизни. И когда он смотрит на себя самого как на дело милости, он отвергает милость, которая смотрит на него. Он обречен на «благочестивое» искажение своего существования и тем самым впадает в заблуждение, как будто он может открыть для себя и в себе самом свое благо, которое со всем его существом и жизнью сокрыто со Христом в Боге до того дня, когда он явится со Христом в Его славе.

Если, следовательно, человек и все, что он делает — пусть даже выполняемое во внешнем смысле по заповедям Божиим, по закону, — не является хорошим, то речь идет теперь все же о том, чтобы открыть в высшей степени необычайную, парадоксальную другую сторону этой истины.

«Человек, который единственно в силу милостивого воззрения Божия является через Христа и во Христе добрым, хорошим, призван к любви к тому, чтобы искать и открывать доброе для ближнего и в ближнем, как в человеке, которого возлюбил Бог, — доброе, которое Бог осуществляет в этом человеке и через него».

Чтобы правильно понять это, мы хорошо сделаем, если представим себе, каким образом человек, который считает себя хорошим, стремится понять другого человека, как человека хорошего. Он создает себе представление о его стремлениях по диалектике Эроса, и именно религиозного Эроса. Если в нем нет того, что он должен был бы обещать, то он впадает в разочарование. Ибо этот процесс, может быть, показывает, что тот же самый человек, который считал себя самого в корне хорошим, осуждает другого, как в корне плохого. Но даже если он в другом настойчиво видит зачаток доброго, то это есть как бы отражение того зачатка, который человек ищет и утверждает в себе самом.

Но как же? Должен ли тот, кто, как человек, возлюбленный Богом, живет в вере только по милости Божией,— потому что он не должен и не может находить доброе в себе самом,— должен ли он в другом выискивать плохое? Какое извращение! Ибо как раз любовь, к которой призван возлюбленный Богом человек и в которой он, вероятно, живет, как Богом возлюбленный человек, взирает в веру по милости Божией на другого человека как на человека равным образом возлюбленного. Да, то, что Бог так возлюбил другого, как это проявилось через Распятого, это еще более понятно, чем то, что Бог так любит его самого. Но тогда человек, возлюбленный Богом, будет благодарно любить добро, которое Бог оказывает другому и через другого, будет любить его не в силу создаваемого о нем представления, но в силу любви Божией. Таким образом, для него это благо, осуществленное в отношении другого и через другого, будет добром. Он будет уметь искать и открывать это доброе, ни на мгновение, однако, не забывая, что это — единственно Божие доброе. Если человек веры поддается злему взгляду тех «благочестивых», которые имеют злосчастный интерес к откровению другого в таком же человеке, как и они, то язычник, который еще ничего не знает о милости Божией и который, может быть, кроме того, придерживается ложного учения, что человек является хорошим, тем не менее мог бы быть принят Богом в милости, если он «верит в доброе в людях».

Из этого никоим образом не следует канонизация «другого» через любовь ни решением какой-либо одной (из Церквей), ни решением всей Церкви. И «другой», в котором любовь ищет и открывает осуществляемое Богом доброе, живет ведь только милостью, которая оправдывает безбожного, даже когда он не знает об этом. Когда любовь, которая «не радуется неправде, а сорадуется истине» и которая «все выносит, всему верит, всего надеется, все терпит» (1 Кор. 13), верит в добро, осуществляемое милостью Божией в «другом» и через «другого», то речь здесь идет ведь не о приговоре на основе дел. При этом речь идет как раз не о посягательстве на верховное право Бога, Которому единственно принадлежит суд и милость. Но истинно любит возлюбленный Богом через любовь и в любви, которая любит его, другого человека, как человека, возлюбленного Богом. Она любит его, грешника, таким, каков он есть, таким, каким его возлюбил Бог.

Итак, когда добрые дела являются добрыми? Только когда они таковы в очах Бога, Который один только благ и творит добро.